КИРЕЕВ Антон Александрович

канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток)
E-mail: antalkir@yandex.ru

Российско-японские отношения вокруг Южных Курил: история, современное состояние, варианты развития

УДК 327 10.24866/2542-1611/2017-4/35-47

*международные
отношения,
Россия,
Япония,
Южные Курилы,
государственная
граница,
территориальные
противоречия,
сценарии*

Опираясь на обзор истории вопроса и анализ современного состояния проблемы Южных Курил, автор представляемой статьи намечает ряд сценариев развития политико-дипломатического взаимодействия России и Японии в этом районе Тихого океана. Основными сценариями взаимодействия сторон на среднесрочную перспективу являются «конфликтный», «договорный» и «инерционный». Наиболее сильное воздействие на то, по какому сценарию станут развиваться в дальнейшем территориальные противоречия в районе Южных Курил, по мнению автора, окажут факторы международной среды, и в первую очередь американо-китайское балансирование.

¹ Южные Курильские острова (Южные Курилы) включают два острова Большой Курильской гряды: Итуруп и Кунашир, – а также Малую Курильскую гряду, в составе о Шикотан и ряда более мелких островов (Полонского, Зеленый, Юрий, Анучина, Танфильева, Сторожевой, Сигнальный, Рифовый, о-ва Демина). В политико-дипломатической практике Южные Курилы часто описывают как состоящие из четырёх объектов (островов) – Итурупа, Кунашира, Шикотана и группы Хабомаи (все остальные острова Малой Курильской гряды, кроме Шикотана). Общая площадь Южных Курил по разным оценкам насчитывает от 8549 до 8657 кв. км. [1; 6, с. 79–80]. Помимо территории островов, в объект претензий Японии входит акватория 200-мильной исключительной экономической зоны (ИЭЗ), площадь которой определяется в 213 тыс. кв. км. [25].

² Экономическое и военно-стратегическое значение территорий Южных Курил связано с крупными разведанными и прогнозными

Наблюдаемое в последние годы оживление межправительственного взаимодействия России и Японии по поводу южных островов Курильского архипелага¹ вновь привлекает внимание общественности и учёных обеих стран к этому «камню преткновения» в двухсторонних отношениях. На фоне значительного роста числа публикаций в средствах массовой информации научная литература по данной теме только за период с 2012 г. пополнилась новой монографией [12] и более чем двумя десятками статей историков, политологов, юристов, международных и востоковедов [2; 4; 5; 20; 23 и др.].

Новизна ситуации состоит в том, что на очередном витке российско-японский диалог по Южным Курилам приобретает всё более конкретный, «приземлённый», и вместе с тем комплексный, многовекторный характер, что в целом повышает шансы на разрешение проблемы. В представляемой статье автор, опираясь на обзор истории вопроса и анализ современного состояния проблемы Южных Курил, наметит основные сценарии развития политико-дипломатического взаимодействия сторон на среднесрочную перспективу в этом ключевом для них – как в экономическом, так и стратегическом аспекте² – районе Тихого океана.

Истоки современных претензий Японии на Южные Курилы восходят к XVII в. – времени начала изучения этих островов. Наиболее ранняя географическая информация о Курильских островах, – о южных в Японии и о северных в России, – появилась в 40-е гг. XVII в. При этом со стороны России исследования Курил разворачивались значительно бо-

запасами металлов, включая редкие (рений) и драгоценные (золото и серебро). Общая стоимость прогнозных минеральных ресурсов Южных Курил оценивается в 9,7 млрд. долл. В ИЭЗ Южных Курил выявлены шельфовые нефтегазоносные месторождения, ресурсы которых оценивают в более чем 2 млрд. тонн условного топлива. Кроме того, в ИЭЗ сосредоточены значительные морские биоресурсы (рыба, крабы, моллюски, водоросли). В начале 2000-х гг. в акватории Южных Курил добывали 80% от ежегодного вылова в акватории Курильских островов, составлявшего до 1,2 млн. тонн (или 25% от общероссийского улова) [6, с. 81; 22; 24]. Стратегическое значение для гражданского и особенно военного судоходства имеют расположенные в районе Южных Курил единственные незамерзающие в зимний период российские проливы, ведущие из Охотского моря в Тихий океан – Ека- терины и Фриза.

лее активно. К 1739 г. в результате описания и картографирования всех крупных и большей части мелких островов архипелага вплоть до Хоккайдо (включая Итуруп, Кунашир, Шикотан и другие острова Малой Курильской гряды) процесс открытия Курильских островов русскими был в основном завершён. Японские исследования Курил осуществлялись более медленными темпами. Первая официальная японская экспедиция достигла Итурупа в середине 1780-х гг. [14, с. 43–45; 16, с. 50–52, 59–60].

С середины XVIII в. русские промышленники и купцы, двигаясь с севера Курильского архипелага, начали его хозяйственное освоение и заселение. В конце 1760-х гг. на Южных Курилах (о. Итуруп) было основано русское поселение. Японское государство, проводя политику изоляции, запрещало своему населению переселяться через северные границы Японии, вплоть до первой половины XIX в. пролежавшие в южной части Хоккайдо.

Параллельно с открытием и освоением Курильских островов шёл процесс приведения местного населения (айнов) в российское подданство, осуществлявшийся в форме наложения дани (ясака). Сбор дани с населения Южных Курил (Итуруп, Кунашир, Шикотан) начался в 1766 г. и продолжался до 1791 г. В 1786 г. российским правительством был издан первый правовой документ (указ Екатерины II), объявлявший все Курильские острова (включая Южные Курилы) владениями России [16, с. 53–57].

Однако с конца XVIII в. политика Российской империи в отношении Южных Курил стала меняться. В связи с переключением внимания правительства на колонизацию Русской Америки, а затем на присоединение Приамурья и Приморья, а также в условиях растущего противодействия со стороны Японии, Россия во многом утратила интерес к этой части архипелага. Напротив, деятельность японских властей в этом районе резко активизировалась. В конце 1790-х – начале 1800-х гг. на Южных Курилах (в результате проведения ряда экспедиций и вытеснения русских) возникли японские поселения, а на Итурупе был размещен японский военный гарнизон. Таким образом, к 1820-м гг. фактическая граница российских владений сместилась к южной оконечности о. Уруп [16, с. 73–74].

Эта фактически сложившаяся граница и была оформлена первым российско-японским делимитационным договором – Симодским трактатом 1855 г. Стремясь прежде всего не допустить закрепления японцев на Сахалине, российские власти выразили согласие с установлением границы России и Японии между островами Уруп и Итуруп. Сахалин, по условиям Симодского трактата, был оставлен неразделённым. При этом на переговорах с японцами посланник Е. Путятин указывал, что ранее российское присутствие распространялось и южнее о. Уруп [14, с. 150–155].

В третьей четверти XIX в. значение Курильских островов в глазах правительства Российской империи продолжало уменьшаться. Этому способствовали ликвидация Российско-Американской компании, осуществлявшей хозяйственную деятельность на архипелаге, а также необходимость концентрации государственных сил и средств на освоении, заселении и обороне присоединённых в тот период обширных территорий юга РДВ. Эти обстоятельства послужили предпосылками к очередным российским уступкам Японии на Курилах.

В 1875 г. представителями России и Японии был подписан Петербургский трактат. В соответствии с ним, под суверенитет Японии передавались все остававшиеся на тот момент у России Курильские острова – от Урупа до Шумшу (у побережья Камчатки). В обмен на это японское правительство отказалось в пользу России от своих прав на Сахалин. Утверждение российской власти над всей территорией Сахалина, представлявшего прежде всего военно-стратегическую ценность, в тех исторических условиях рассматривалось царским правительством как важный внешнеполитический успех [16, с. 82–87].

Дальнейшая история российско-японской границы складывалась в обстановке нарастающей агрессивности политики Японии, её расширяющейся территориальной экспансии в СВА и АТР, направленной на создание собственной колониальной империи. С 1890-х гг. Япония выступила инициатором ряда военных конфликтов. Результатом одного из них – российско-японской войны 1904–1905 гг. – стало существенное изменение конфигурации границы между Россией и Японией. Подводивший итог этой успешной для Японии войны Портсмутский мирный договор 1905 г. аннулировал все предыдущие двусторонние делимитационные договоры. Согласно ему, граница России и Японии устанавливалась по Первому Курильскому проливу между о. Шумшу и Камчаткой – на Курилах, и по 50-й параллели с. ш. – на Сахалине [16, с. 86–87, 150].

После подписания Портсмутского договора, японское правительство не отказалось от идеи дальнейшего расширения своих владений за счет России. Об этом свидетельствует активнейшее участие Японии в международной интервенции против Советской России. С 1918 по 1922 гг. японские войска контролировали широкую полосу территории вдоль Транссиба от Владивостока до Иркутска. С 1920 по 1925 гг. под японской оккупацией находилась северная часть Сахалина. На занятых территориях Япония планировала создание зависимого от неё государства.

В 1925 г., в преддверии вывода японских войск, состоялось подписание Советско-японской конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией. Устанавливая дипломатические отношения между странами, Конвенция признавала действительность условий Портсмутского договора. Вместе с тем, по настоянию советской стороны, в Конвенцию была внесена оговорка о том, что правительство СССР отказывается разделять с бывшим царским правительством ответственность за заключение указанного договора [16, с. 150–151].

Тем не менее советско-японские отношения оставались напряжёнными. После вторжения Японии в Маньчжурию в 1931 г., здесь началось формирование мощной военной группировки, предназначавшейся для нападения на восточные районы СССР. Несмотря на вынужденное воздержание японского правительства от прямой агрессии и подписание в апреле 1941 г. советско-японского Пакта о нейтралитете, в годы Великой Отечественной войны Япония продолжала наращивание своих войск возле дальневосточных границ, оказание помощи фашистским державам и вооружённые акции против советских военнослужащих и гражданских лиц.

Такие действия стали основанием для принятия СССР решения о присоединении к войне союзников против Японии. В августе 1945 г., в ходе советско-японской войны, в соответствии с ранее согласованными союзными державами документами (Каирская декларация 1943 г., Ялтинское соглашение и Потсдамская декларация 1945 г.), советские войска заняли южную часть Сахалина и все Курильские острова. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 г. эти территории были объединены в Южно-Сахалинскую область Хабаровского края РСФСР. Японское имущество на этих территориях было национализировано, а местное японское население репатриировано в Японию [15, с. 101–102].

В первые послевоенные годы японская дипломатия официально не оспаривала новые границы с СССР. Однако в условиях формирующегося биполярного порядка и расширяющейся межблоковой холодной войны, Южные Курилы постепенно приобретали для правительства Японии все большую значимость. Этот интерес со стороны своего самого перспективного союзника в АТР прямо и активно поощрялся США. Первым дипломатическим проявлением оформляющихся территориальных претензий Токио на Южные Курилы стала Сан-Францисская международная конференция 1951 г. и подписанный её участниками мирный договор. Усилиями США и их союзников на этой конференции советская делегация фактически оказалась в изоляции, что лишило СССР возможности внести свои поправки в текст мирного договора и принять участие в его подписании. В результате Сан-Францисский договор зафиксировал отказ Японии от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и южную часть Сахалина, но не упоминал о том, под суверенитет какого государства они перешли. В это же время по инициативе Японии и при поддержке США в дипломатическом обороте начинает использоваться понятие «северные территории», обозначавшее особый объект, не входящий в состав Курильских островов, и включавший в себя сначала Шикотан и Хабомаи, а позднее (с 1955 г.) также Итуруп и Кунашир. В самой Японии вопрос о «северных территориях», подымавшийся ранее только на местном уровне, в 1951 г. впервые становится предметом парламентской резолюции, войдя, таким образом, в национальную политическую повестку [11; 18, с. 95–100].

Вскоре после прекращения американской оккупации японский кабинет предложил СССР переговоры о нормализации двусторонних отношений. На этих переговорах правительство И. Хатоямы намеривалось поставить вопрос о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотана, рассматривавшихся им в качестве продолжения о. Хоккайдо. Однако на начатых в июле 1955 г. встречах сторон японская позиция (под влиянием США и внутриполитической борьбы) менялась. В процессе переговоров японская делегация стала настаивать на возвращении Японии островов Итурупа, Кунашира, Шикотана и Хабомаи, а принадлежность остальных Курил и южного Сахалина предложила выяснить путём новых переговоров – между союзными державами, включая СССР, и Японией. В ответ на это, советская сторона выразила согласие, в виде максимальной уступки, передать Японии Шикотан и Хабомаи, зафиксировав эту конфигурацию советско-японской границы в мирном договоре.

Позиция СССР вызвала у японских властей колебания. Однако США в ультимативном порядке потребовали от Японии не отказываться от претензий на все Курильские острова. В противном случае США угрожали оставить под своим суверенитетом острова Рюкю. Под таким нажимом японское правительство было вынуждено отклонить советское предложение. В итоге советско-японские отношения были нормализованы лишь частично, без заключения мирного договора, в форме Совместной декларации от 19 октября 1956 г. В Декларации провозглашалось согласие сторон на продолжение переговоров о мирном договоре. Кроме того, в статье 9 этого документа указывалось, что СССР «соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора» [7, с. 236–240; 11, с. 318–321].

Тем не менее, переговоров о заключении мирного договора между двумя странами не последовало. В 1960 г. Япония продлила ранее заключённый договор о безопасности с США. Этот шаг означал сохранение американского военного присутствия на японской территории, а также юридическую возможность появления американских военных баз на любых островах, которые могли быть переданы под суверенитет Японии. В результате заключения (на неопределенный срок) нового американо-японского договора о безопасности советско-японский диалог по территориальному вопросу был надолго заморожен. Более того, последствия этого решения продолжают осложнять российско-японские отношения по поводу Южных Курил до сих пор.

***

Современная ситуация вокруг Южных Курил в целом сформировалась в постсоветский период в результате распада биполярного миропорядка, однако позиции её основных сторон сохраняют преемственность с ситуацией 1950-х гг.

Наибольшей стабильностью характеризуется официальная позиция России. Российское правительство, как и советское, исходит из того, что существующая граница с Японией в районе Курил является итогом Второй мировой войны, а все предшествующие войне двусторонние договоры имеют лишь историческое значение. В международно-правовые основания нынешней границы двух стран российская сторона включает Каирскую декларацию от 1 декабря 1943 г., Ялтинское соглашение от 2 февраля 1945 г., Потсдамскую декларацию от 26 июля 1945 г., Акт о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. и Сан-Францисский мирный договор от 8 сентября 1951 г. Российские официальные лица неоднократно заявляли, что у России и Японии нет территориального спора, т.е. указывали, по существу, что данная проблема создана односторонними территориальными претензиями. Вместе с тем на уровне президента и министра иностранных дел РФ утверждалось, что Россия готова обсуждать проблему двустороннего разграничения с целью подписания мирного договора с Японией, опираясь при этом на условия, сформулированные, прежде всего, в Совместной декларации 1956 г. [15, с. 104–107]. Тем самым российская сторона давала понять, что при выполнении определённых условий (главным среди которых остается демилитаризация границы двух стран), она готова к уступке Японии двух южнокурильских островов.

Наиболее значимые отступления от этой позиции, в основе своей сложившейся в 1950-е гг., были сделаны в 1990-е гг., когда М. С. Горбачёв (1991 г.) и Б. Н. Ельцин (1993 г.) в своих заявлениях расширили рамки подлежащей обсуждению территориальной проблемы до масштаба всех Южных Курил. Однако с начала 2000-х гг. российская сторона, апеллируя к Декларации 1956 г., вновь вернулась к узкому пониманию этих рамок, включающему в объект возможного размежевания только Шикотан и Хабомаи.

Позиция японской стороны, также сохраняя историческую преемственность, в последнюю четверть века демонстрировала, однако, меньшую устойчивость, что связано с её сильной зависимостью от смены партийных кабинетов и влияния факторов международной среды. Правовые основы японских претензий построены на двусторонних договорах 1855, 1875 и 1905 гг. и в особенности на Симодском трактате. В то же время Япония отрицает какую-либо правовую обоснованность российского суверенитета над Южными Курилами. СССР обвиняется ею в нарушении Пакта о нейтралитете 1941 г. Ялтинское соглашение 1945 г., предусматривавшее передачу Курильских островов СССР, по мнению японской стороны, не имеет силы для Японии, ввиду её неучастия в его подписании, а также его секретного характера. Кроме того, Япония отвергает апелляции России к Сан-Францисскому договору, поскольку СССР не был его участником, а также в силу того, что Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи не входят в понятие «Курильские острова», использовавшееся в тексте этого договора [15, с. 103–104]. Исходя из такой аргументации, Токио официально именует Южные Курилы «незаконно оккупированными» (с 2012 г. – «занятыми без юридических оснований»).

Вместе с тем в вопросах определения объёма территориальных претензий, условий и методов их удовлетворения японская позиция претерпела в постсоветский период заметную эволюцию. Так, в 1990-е гг. позиция Японии относительно Южных Курил постепенно смягчалась. Воплощением этой тенденции стало Каванское предложение 1998 г., предусматривавшее сохранение российского административного управления над Южными Курилами в течение 50-летнего переходного периода. Однако в 2001–2005 гг., в период премьерства Д. Коидзуми, в условиях общего охлаждения российско-японских отношений, риторика японских властей в отношении «северных территорий» вновь становится жёсткой. Во второй половине 2000-х гг. на фоне возрастающего интереса Японии к энергетическим возможностям России и беспокойности усилением Китая, японское правительство возвращается на путь поисков дипломатического компромисса. С 2006 г. в правящей элите страны обсуждаются различные варианты раздела Южных Курил, а также совместного управления островами [8]. Тем не менее, высокая зависимость японской позиции по «северным территориям» от колебаний внутриаполитической конъюнктуры сохраняется.

Текущее межгосударственное взаимодействие (в президентство В. В. Путина и премьерство С. Абэ) развивается в целом в контексте представленных выше общих позиций. Вместе с тем для него характерны две важные новые тенденции. Первая из них связана с попытками международной изоляции России с 2014 г. рядом стран Запада, режимом санкций, ростом политической и военной напряжённости

вокруг российских границ. Вторая, напротив, состоит в стремлении России активизировать международное и, прежде всего, трансграничное сотрудничество, в особенности в восточной части страны, в целях более эффективной с точки зрения внутреннего развития интеграции в АТР.

Первая из названных тенденций, усиливаемая возрастающей нестабильностью ситуации в Восточной Азии, ведет к увеличению военных потенциалов России и Японии в регионе, включая район морской границы двух стран. Приход к власти правительства С. Абэ (декабрь 2012 г.) ознаменовался повышением военных расходов Японии, планами разработки новых, в т. ч. наступательных, видов вооружений, реформированием институциональных и правовых основ системы национальной безопасности. Со своей стороны, Россия с 2016 г. форсировано наращивает военное присутствие на Сахалине и Курильских островах, в частности, путём создания военно-морской базы на о. Матуа, размещения на Итурупе и Кунашире современных противокорабельных ракетных комплексов, дислокации на Курилах новой дивизии [3; 19]. Независимо от степени обоснованности, эти шаги не способствуют разрешению южнокурильской проблемы, но скорее подталкивают к её трансформации в еще один очаг конфликта в регионе.

Вторая тенденция выражается прежде всего в создании российской стороной с 2014 г. территорий с особыми либерализованными правовыми режимами (ТОРы и свободные порты), в новой пограничной политике в ДФО, направленной на привлечение иностранных инвестиций, технологий и квалифицированной рабочей силы, необходимых для его развития. Эти новации были с интересом восприняты в Японии, о чём говорит активное участие японских политиков и бизнесменов в ВЭФах, проводимых с 2015 г. во Владивостоке. На очередном ВЭФ в сентябре 2017 г. В.В. Путин и С. Абэ определили пять конкретных социально-экономических проектов, в рамках которых стороны будут вести совместную хозяйственную деятельность на Южных Курилах. Именно с этой тенденцией в российско-японских отношениях связываются сегодня перспективы политико-дипломатического продвижения в вопросе территориального размежевания [10, с. 88–90; 17; 28, р. 49–50].

Динамика двух указанных противоборствующих тенденций в значительной мере определяется факторами, внешними по отношению к межгосударственному взаимодействию России и Японии. Эти факторы можно разделить на две категории: факторы международной среды (политика других государств) и факторы внутренней среды (действия субнациональных акторов российского и японского общества).

Особенно сильное влияние на двусторонние отношения по проблеме Южных Курил оказывают факторы международной среды, возрастание роли которых обусловлено смещением в АТР глобальных потенциалов и противоречий, а также прогрессирующим уплотнением и институционализацией в регионе сетей международных экономических и политических связей. Среди факторов этой группы наиболее важными для динамики территориальной проблемы представляются политики таких государств, как США, Китай и КНДР.

В 1950-х гг. США приняли самое непосредственное участие в формировании проблемы Южных Курил в её современном понимании.

Правительство США изначально рассматривало эту проблему как действенное средство предотвращения возможных попыток политического сближения между Японией и СССР. За прошедшие годы политика США по данному вопросу принципиально не изменилась. В постсоветский период американские официальные лица неоднократно заявляли о том, что суверенитет над Южными Курилами принадлежит Японии. При этом, однако, отмечалось, что статья 5 американско-японского договора о безопасности (о том, что атака на любую из сторон на территории, управляемой Японией, считается угрозой обеим сторонам), не относится к данным островам как не управляемым Японией [27]. Таким образом, поддерживая консервацию территориальной проблемы, США избегают принимать на себя связанные с этим военно-политические риски.

Очевидно, что степень зависимости японской внешней политики от США, в т. ч. в вопросе о «северных территориях», постепенно снижается. Это процесс стал особенно заметен начиная со второго президентства Б. Обамы и во многом связан с переключением внимания Вашингтона на другие более актуальные для него международные проблемы. Тем не менее США всё ещё располагают достаточными дипломатическими, военно-политическими и информационно-пропагандистскими рычагами для того, чтобы при содействии консервативного крыла японской элиты заблокировать возможные решения проблемы Южных Курил, не отвечающие их интересам.

Китай официально занимает дистанцированную позицию по проблеме Южных Курил, характеризуя её как вопрос внутренний для российско-японских отношений. Однако политика КНР обладает большими возможностями косвенного воздействия на эту проблему [28, р. 47]. Расширение экономического сотрудничества России и КНР, особенно в энергетической сфере, во второй половине 2000-х гг. побудило Токио к активизации своих контактов с Москвой и поиску компромиссных вариантов разрешения территориальной проблемы. Вместе с тем российско-китайское военное сотрудничество на фоне растущей мощи китайских армии и флота и обострения на рубеже 2010-х гг. ситуации вокруг островов Сэнкаку скорее тормозит движение России и Японии к подписанию мирного договора. Подобный же тормозящий эффект оказывает и устойчивый рост напряжённости между КНР и США, переводящий отношения в АТР в целом в логику межблокового противостояния.

КНДР, насколько известно, не выражала официальной позиции по вопросу о Южных Курилах. Тем не менее косвенное влияние этой страны на ситуацию вокруг них весьма значительно. Крупный военный потенциал КНДР, и в особенности его ракетно-ядерная составляющая, наряду с труднопредсказуемым поведением Пхеньяна стали с 2000-х гг. весомым фактором внешней политики Японии [26, р. 143–144], а ещё более – чрезвычайно удобным предложением для её ускоренной милитаризации. Неэффективность механизма шестисторонних переговоров, продолжение ядерной программы КНДР, участвовавшие в запуске северокорейских баллистических и иных ракет подталкивают японские власти к укреплению альянса с США и в конечном счете повышают жёсткость позиции Японии по вопросу о «северных территориях».

Не следует недооценивать также зависимость межгосударственных отношений России и Японии от внутренних для них социально-политических факторов. Так, в японском обществе в настоящее время отсутствует консенсус по проблеме «северных территорий». Общественно-политические силы, требующие безусловного «возврата» этих территорий (а в некоторых случаях – передачи Японии всех Курил и Южного Сахалина), сосредоточены главным образом на крайне правом и крайне левом флангах политического спектра и не обладают серьёзным влиянием. Большая же часть японского общества и основные партии (ЛДП и ДПЯ) не имеют однозначно доминирующей позиции по данному вопросу и в принципе готовы к компромиссам [8; 9]. Однако эта умеренность общественно-политического мнения неустойчива и может смениться радикализацией под влиянием международных событий и инцидентов.

Особое значение в рамках этой категории факторов имеет социально-политическая ситуация на приграничном Хоккайдо. Именно здесь проживают многие потомки репатриантов с Курил и Сахалина, и именно эта префектура (прежде всего, г. Немуро) стала базой для создания «Движения за возвращение северных территорий». Однако в последние годы масштабы этого Движения сокращаются, что обусловлено естественным размытием идентичности потомков бывших жителей «северных территорий». Более существенным сегодня является наличие на Хоккайдо (и в приморских районах ряда других префектур) значительных по численности групп населения, тесно связанных с Южными Курилами экономическими интересами (особенно занятые в рыбной и рыбообрабатывающей отраслях). Воспрепятствование реализации этих сложившихся с 1990-х гг. интересов (в т. ч. в области незаконной добычи и вывоза морских биоресурсов) может побудить данных субнациональных субъектов к оказанию политического давления на правительство страны.

Что касается внутренних факторов, действующих в российском обществе, то согласно многолетним опросам жителей юга РДВ [13, с. 202–205], со второй половины 1990-х гг. в общественном мнении устойчиво преобладает неприятие возможных территориальных уступок Японии. Сходную позицию декларируют и парламентские политические партии России. Вместе с тем следует учитывать, что общественное мнение по Южным Курилам обнаруживает сильную корреляцию с социально-экономической ситуацией в стране. Эта корреляция в особенности характерна для российского населения самих Южных Курил. Так, ряд проведенных в период 1993–1998 гг. по японской инициативе опросов показал, что среди жителей Итурупа, Кунашира и Шикотана сторонники сохранения над островами российского суверенитета находились в меньшинстве [18, с. 106–107]. Кроме того, часть курильчан и жителей других регионов РДВ активно вовлечена в нелегальную деятельность по добыче и вывозу из ИЭЗ вокруг Южных Курил морских биоресурсов, а также иные контрабандные операции. Так, в конце 1990-х гг. в Японию контрабандой вывозилось 75% выловленного в акватории Южных Курил [21, с. 167]. Как и их экономические контрагенты в Японии, эта группа российского населения объективно заинтересована не в разрешении проблемы территориального размежевания, а в поддержании её нынешнего со-

стояния и связанных с ним возможностей продолжения своей деятельности.

***

Анализ исторической эволюции и современного состояния проблемы Южных Курил, на мой взгляд, позволяет допустить наличие трёх основных сценариев её развития на среднесрочную перспективу: «конфликтного», «договорного» и «инерционного».

«Конфликтный» сценарий предполагает устойчивое нарастание остроты политико-дипломатических противоречий сторон с последующим переходом к различным формам угроз, экономического и силового давления, вплоть до попытки Японии решить проблему «северных территорий» военным путем. Возможность реализации такого сценария в решающей мере будет зависеть от динамики военно-политической ситуации в Восточной Азии и АТР. Его вероятность может значительно повысить размежевание России и Японии по признаку блоковой принадлежности и обострение отношений между потенциальными лидерами таких блоков: КНР и США, – сопровождаемые трансформацией существующих в регионе межгосударственных территориальных споров в межблоковые. Развитию ситуации в конфликтном направлении могут способствовать и другие формы дестабилизации международной среды, включая прежде всего возможное столкновение Японии с КНДР, которое в состоянии запустить цепную реакцию конфликтов и привести к власти наиболее милитаристски настроенные круги японской политической элиты. Наконец, к резкому обострению обстановки вокруг Южных Курил на неблагоприятном внешнем фоне могут привести и события субнационального уровня, включая прямые провокации японских радикалов и случайные пограничные инциденты с участием японских судов, занятых в браконьерской и контрабандной деятельности.

Содержание «договорного» сценария заключается в нахождении сторонами компромиссного решения по разграничению в районе Южных Курил, и на его основе – ускоренной подготовке и подписании мирного договора, фиксирующего отсутствие у России и Японии территориальных противоречий. Осуществлению этого сценария благоприятствуют в первую очередь факторы межгосударственного уровня: высокая заинтересованность российского правительства в резком расширении участия Японии в федеральных программах развития РДВ и понижении градуса военной напряженности в Восточной Азии, а также стремление кабинета С. Абэ успеть воспользоваться сужающимся под влиянием той же напряженности «окном возможностей» по решению территориальной проблемы [28]. С точки зрения соотношения взаимных политических и экономических уступок сторон «договорной» сценарий может развиваться по трём вариантам:

- 1) Передача Японии островов Шикотан и Хабомаи при заключении соглашений о крупных японских инвестициях в проекты на территории ДФО, в т.ч. в рамках создаваемой на Итуруп и Кунашире особой экономической зоны (свободного порта) с преференциальным таможенным и налоговым режимом для японских инвесторов. Этот вариант был бы наиболее близок к интересам российской стороны;

- 2) Передача Японии Шикотана и Хабомаи и расширение российско-японского экономического сотрудничества, с дальнейшим (об-

суждаемый интервал – 50 лет) переходом в японскую юрисдикцию Итурупа и Кунашира. Этот вариант отражает позицию, распространяющуюся в последние годы в японской политической элите;

3) Передача Японии Шикотана и Хабомаи и развитие двустороннего экономического сотрудничества с созданием на Итурупе и Кунашире режима совместного управления. Сложность этого промежуточного варианта состоит в разработке правовых основ режима кондоминиума, способных предотвратить возникновение противоречий между Россией и Японией в будущем.

Любой из названных вариантов должен предполагать демилитаризацию Южных Курил и прилегающей ИЭЗ. Кроме того, они должны включать обязательства сторон по пресечению трансграничной преступной деятельности и взаимных нарушений экономического суверенитета.

«Инерционный» сценарий, состоящий в фактическом замораживании территориальной проблемы, откладывании её решения на неопределенное будущее, представляет собой наименее затратный, а потому и самый вероятный путь развития ситуации. Однако следует учитывать, что в условиях накопления между странами Восточной Азии политических разногласий и ускоряющейся милитаризации «инерционный» сценарий уже в ближайшей перспективе может стихийно эволюционировать в «конфликтный». В подобной обстановке тлеющий очаг противоречий может вспыхнуть даже от незначительного воздействия извне (например, информационной провокации).

Наиболее сильное воздействие на то, по какому сценарию в дальнейшем пойдет развитие территориальных претензий в отношении Южных Курил, будут оказывать, безусловно, факторы международной среды, и в первую очередь американо-китайское балансирование. Тем не менее, Россия обладает объективно немалыми возможностями для того, чтобы регулировать ход этого процесса упреждающими и точно направленными действиями. Так, сосредоточение в районе Южных Курил количественно и качественно достаточных сил армии и флота и в ещё большей степени обеспечение условий оперативного доступа к этому району удаленного военного потенциала РФ могут существенно снизить риск реализации «конфликтного» сценария, а при его осуществлении – локализовать и купировать его негативные последствия. При этом военные мероприятия должны иметь подчеркнуто оборонительный характер, и сопровождаться соответствующей информационно-пропагандистской работой, не подпитывая формируемый многими японскими СМИ образ «угрозы с севера» и не превращаясь, таким образом, в дополнительный конфликтогенный фактор. Главные же усилия российской стороны должны быть нацелены на планомерную политико-дипломатическую подготовку «договорного» сценария развития ситуации путем тщательной проработки проекта его осуществления по первому варианту. Это предполагает международно-правовое обоснование нового разграничения в районе Южных Курил, его популяризацию в общественном сознании и согласование с позицией наиболее конструктивных и готовых к компромиссам кругов японского истеблишмента. Подготовка уравновешенного по приоритетам национального развития и безопасности решения проблемы Южных Курил и его успешная имплементация имели бы долгосрочное позитивное влияние на социально-эконо-

мическое состояние РДВ и международно-политическую ситуацию в Восточной Азии в целом.

Литература

1. Адашова Т. А. Южные Курилы – геополитическое пространство России // География. 2005. № 6. С. 12–19.
2. Алексеев Д. Ю., Коломийцева Н. А. «Курильский вопрос»: политологический анализ // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 661–666.
3. Ваньков В. Курилы не продаются. И не завоёвываются. На острова перебазируют часть сил Тихоокеанского флота России [Электронный ресурс] // Свободная пресса: [сайт]. 27.05.2016. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/149498/> (дата обращения: 19.08.17).
4. Дайрабаев В. У., Лохманов Д. В. Международно-правовой статус Курильских островов в историческом аспекте // Современный юрист. 2014. № 1. С. 66–81.
5. Ивасита А. «Сконструированные территории»: некоторые размышления о территориальных спорах в Восточной Азии // Международная аналитика. 2015. № 4. С. 33–42.
6. Ивашинников Ю. К. Страны Японморского региона и Китай. Экономическое развитие и экологические проблемы: учеб. пособие для вузов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 169 с.
7. История международных отношений на Дальнем Востоке, 1945–1977 / М. С. Капица, Д. В. Петров, Б. Н. Славинский [и др.]; Отв. редкол.: С. Л. Тихвинский (гл. ред.). – Хабаровск: Кн. Изд-во, 1978. 558 с.
8. История территориального спора // Asahi Shimbun. 29.04.2013 [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.ру.: [сайт]. URL: <http://inosmi.ru/world/20130429/208554191.html> (дата обращения: 18.05.17).
9. Кожевников В. В. Кризис в российско-японских отношениях: причины и следствия // Россия и АТР. 2011. № 3. С. 122–131.
10. Козлов Л. Е., Волынчук А. Б. Региональная политика России на Дальнем Востоке: в поисках новых инструментов развития (2014–2016) // Россия в АТР: роль, интересы и приоритеты обеспечения региональной безопасности и ускоренного экономического развития: монография / науч. ред. С. В. Севастьянов; под общ. ред. А. Б. Волынчука. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 77–94.
11. Кравцевич А. И. Угроза Даллеса: миф или реальность? // Япония. 2014. № 43. С. 292–332.
12. Кузьминков В. В. К истории территориального размежевания между Россией и Японией: японский взгляд. – М.: ИДВ РАН, 2016. 304 с.
13. Ларин В. Л., Ларина Л. Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX–XXI веков. – Владивосток: Дальнаука, 2011. 311 с.
14. Мазуров И. В. Формирование восточных границ России. Российско-японское разграничение XIX в. – Хабаровск: ДВИУ, 2015. 254 с.
15. Панов А. Н. Проблема российско-японского территориального размежевания // Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. Справочник. – М.: Восток-Запад, 2012. С. 96–107.
16. Плотников А. Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века. Двести пятьдесят лет движения России на Восток. – М.: КомКнига, 2007. 236 с.
17. Путин и Абэ обсудили совместную деятельность на Курилах [Электронный ресурс] // Российская газета: [сайт]. 07.09.2017. URL: <https://rg.ru/2017/09/07/reg-dfo/putin-i-abe-obsudili-sovmestnuiu-deiatelnost-na-kurilah.html> (дата обращения: 19.10.17).
18. Рубан Л. С., Катаева Е. Г., Хегай В. К. Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке. – М.: Наука, 2006. 403 с.
19. Стрельцов Д. В. Качественные сдвиги политики Японии в сфере военной

- безопасности в 2013 г. // Вестник МГИМО. 2013. № 5. С. 24–32.
20. Ткаченко Б.И. Международно-правовые проблемы передачи Южно-Курильских островов Японии // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 11–21.
21. Трансграничная организованная преступность в России / кол. авт.; науч. ред. В.А. Номоконов. – Владивосток: Изд.-во Дальневост. ун-та, 2010. 632 с.
22. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016–2025 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 4 августа 2015 г. № 793) [Электронный ресурс] // Кодекс: [сайт]. 2017. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420292724> (дата обращения: 17.05.17).
23. Черевко К.Е. Являются ли Южно-Курильские острова исконной территорией Японии? // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 2. С. 141–162.
24. Шегорцов В. Южные Курилы: реалии нового века [Электронный ресурс] // Красная звезда: [сайт]. 29.07.2005. URL: http://old.redstar.ru/2005/07/29_07/4_04.html (дата обращения: 14.05.17).
25. Disputed area Kuril Islands: Japan / Russia · MRGID 48950 [Электронный ресурс] // Marine regions: [сайт]. URL: <http://www.marineregions.org/eezdetails.php?mrgid=48950&zone=eez> (дата обращения: 15.05.17).
26. Hornung J.W. Japan and the Asia-Pacific // From APEC 2011 to APEC 2012: American and Russian Perspectives on Asia-Pacific Security and Cooperation. – Vladivostok: FEFU Press; Honolulu: Asia-Pacific Center for Security Studies, 2012. P. 138–150.
27. Japan-U.S. security treaty does not apply to disputed Kuril Islands: State Department [Электронный ресурс] // Xinhua: [сайт]. 2016. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/world/2010-11/03/c_13588025.htm (дата обращения: 18.05.17).
28. Sevastyanov S. Hopes and Realities in Relations Between Russia and Japan: Is a Breakthrough Possible? // East Asia. An International Quarterly. 2017. Volume 34. Issue 1. P. 39–62. DOI: 10.1007/s12140-017-9268-z.